

Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 72–87.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях^{*}

И.В. Дьячков

Аннотация. В статье рассматривается влияние проблемы «женщин для утешения» на современные отношения между Республикой Корея и Японией. Корея была аннексирована Японией в начале XX в., и память о японском владычестве и угнетении жива у корейского народа. Вследствие этого вопросы прошлого нередко отравляют отношения между двумя странами и сегодня. В последнее время Сеул особенно активно обращался к проблеме сексуального рабства корейнок в японских военных борделях в годы Второй мировой войны, и разногласия по этому, казалось бы, давнему сюжету нередко останавливали политическое и военное сотрудничество.

Материалы о судьбе женщин (за ними закрепилось корейское название *вианбу*) эпизодически появлялись в южнокорейской прессе в 1940–1980-е годы, однако международное измерение проблема получила после начала широкой общественной дискуссии в 1990-е годы. Японское правительство, в целом придерживаясь позиции, что все вопросы прошлого были закрыты в ходе нормализации отношений с Республикой Корея в 1965 г., всё же несколько раз выступало с извинениями и предлагало компенсации жертвам, однако сами действия или их формат по тем или иным причинам не удовлетворяли Сеул. Последней попыткой урегулировать вопрос *вианбу* было соглашение 2015 г. между правительствами Абэ Синдзо и Пак Кынхе. Однако оно во многом не устроило южнокорейскую общественность и оппозицию, в связи с чем Республика Корея фактически его не выполняла. Пришедший в 2017 г. к власти президент Мун Чжэин продолжил эту линию, а также начал оказывать давление на Токио и по смежным историческим вопросам, в частности, проблеме принудительного труда корейцев на японских заводах и фабриках в колониальный период. Кризис в отношениях углубился, и Япония ввела санкции против южнокорейской экономики (формально под предлогом, не связанным с претензиями Сеула).

Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Они активно используются как инструмент внутренней и внешней политики. Эта особенность вкупе с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

Ключевые слова: вианбу, женщины для утешения, историческая память, Республика Корея, южнокорейско-японские отношения, Япония.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России. E-mail: dyachkov@naver.com

---

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan*

I.V. Dyachkov

Abstract. The article analyzes how the “comfort women” issue influences current relations between the Republic of Korea and Japan. In the early twentieth century Japan annexed Korea, and the memories of colonial-era humiliation are vivid in Korean collective consciousness. As a result, issues of the past often sour bilateral relations even today. Recently, Seoul has been actively pressing the issue of sexual slavery in Japanese military brothels, and differences over this seemingly irrelevant issue have impeded political and military cooperation.

Articles on former sexual slaves (also called *wianbu* in Korean) have resurfaced time and again in Korean press throughout the 1940-80s, but the problem internationalized only in the 1990s, when broad public discussion started. Although Japan maintains that the 1965 bilateral normalization resolved all issues of the past, Tokyo has several times offered official condolences and compensations to the victims, however Seoul found these steps or the tone unsatisfactory. Most recently, in 2015, Abe Shinzo and Park Geunhye signed an agreement to close the *wianbu* issue, but the document irritated South Korean public and opposition, so Seoul abandoned it. President Moon Jaein, who came to power in 2017, continued this course and added pressure on related historical problems, such as Korean forced laborers in imperial Japan. As the crisis deepened, Tokyo introduced economic sanctions against South Korea (technically on unrelated grounds).

Conflicts stemming from collective memory are a characteristic feature of North East Asian political culture. They are a popular tool in foreign and domestic policy of many countries. This, coupled with irrational nature of nationalism and imperfection of regional security, makes issues of the past a very real threat to the present.

Keywords: collective memory, comfort women, Japan, relations between Japan and South Korea, Republic of Korea, *wianbu*.

Author: *Dyachkov Ilya V.*, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Department of Oriental Studies, MGIMO University. E-mail: dyachkov@naver.com

Период японской аннексии 1910–1945 гг. в коллективной памяти корейского народа запечатлелся как время угнетения и национального унижения. Это не могло не отразиться и на восприятии Японии в корейском обществе. Оно оказывается негативным не только у поколения непосредственных свидетелей колониальной эпохи, но и у их сегодняшних внуков и правнуков. На эмоциональное восприятие соседа, похоже, влияет и экономическая и культурная конкуренция с ним, нараставшая по мере выдвижения Японии и Южной Кореи в число лидеров регионального развития в конце XX в. При этом Токио и Сеул во многом зависят друг от друга. Велик объём взаимной торговли и инвестиций, а в военно-политическом смысле оба государства, будучи союзниками Вашингтона, находятся в американском «лагере», что «обрекает» их на сотрудничество.

---

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”).

Что примечательно, сложные вопросы прошлого не только влияют на общественное мнение, но и находят своё отражение в политике, определяя высказывания и действия власти. В качестве примера можно привести и имеющий исторические корни территориальный спор о принадлежности островов Лианкур (корейское название Токто, японское – Такэсима). Корея осуждает периодическое «паломничество» японских политиков в святилище Ясукуни, где в качестве божеств-ками почитаются японские военные, погибшие в конфликтах конца XIX – начала XX в., в том числе признанные преступниками по итогам Второй мировой войны. Нередко корейские политические деятели разного уровня выступают с требованиями компенсаций и извинений за те или иные исторические эпизоды. В годы президентства Пак Кынхе Республика Корея стала весьма активно использовать в политике проблему сексуальной эксплуатации корейских женщин в японских полевых борделях в 1930–1940-х годах. Разногласия с Токио по этому, казалось бы, оставшемуся в прошлом сюжету нередко останавливали политическое и военное сотрудничество.

Система военных публичных домов (или же, как они официально именовались, «станций утешения») появилась в японской армии в 1930-х годах. Таким образом японское руководство боролось с изнасилованиями, чтобы уменьшить количество конфликтов между военнослужащими и населением на оккупированных территориях. Кроме того, «станции утешения» были призваны поддерживать боевой дух солдат, а контроль над их работницами исключал возможность шпионажа через проституток и позволял защитить личный состав от венерических болезней [Piper, 2001, p. 161]. В бордели попадали девушки 15–20 лет из стран, находившихся в зависимости от Японии. Точные данные об их численности и национальном составе получить невозможно; приводимые в литературе оценки варьируют в пределах от десятков тысяч до почти полумиллиона человек [Kim M., 2014, p. 83]. Считается, что большую часть работниц составляли корейки. Также в их рядах оказывались китайки, филиппинки, девушки из Индонезии (в том числе голландки) [Kim M., 2014, p. 83]; встречались и собственно японки.

По-японски девушек, работавших на станциях, называли «ианфу» (慰安婦), что обычно переводят как «женщина для утешения» или «комфорта»; встречается и вариант «комфортантка». Корейское чтение этих же иероглифов – «вианбу» (위안부); это название стало терминологичным в корееведческой литературе. Что интересно, этим же эвфемизмом впоследствии именовали проституток, которых посещали размещённые в Южной Корее американские военнослужащие [Lee C.Y., 2015, p. 344].

Пути попадания «комфортанток» на станции были различны. Какая-то часть, по-видимому, самая меньшая, поступила на службу добровольно, в полной мере осознавая её специфику. Большинство девушек оказались обмануты, откликнувшись на предложение высокооплачиваемой работы в метрополии. Были и случаи насильственного «рекрутирования» либо продажи девушки её же семьёй [Varga, 2009, p. 289].

Довольно затруднительно составить общую картину условий пребывания и работы на станциях. Судя по всему, они разнились в зависимости от военной части. Во многих свидетельствах описывается сочетавшийся с жестоким обращением и побоями тюремный режим; на таких станциях девушки фактически оказывались армейским имуществом и обращение с ними было соответствующее. По словам других выживших *вианбу*, их служба была строго регламентирована, но они располагали свободным временем, им выделялись

деньги на личные расходы и т.п. Однако во всех случаях регулярно проводились осмотры, а при выявлении венерических заболеваний оказывалась медицинская помощь, хотя и примитивными средствами. Основным мотивом этого было, разумеется, не беспокойство о благополучии самих «комфортанток», а необходимость обеспечивать их «работоспособность» и забота о здоровье личного состава. Солдаты и офицеры платили за посещение борделей и, теоретически, девушки должны были получать вознаграждение за свои услуги, однако в реальности это происходило далеко не всегда, по-видимому, в таких случаях деньги оставались в руках начальства станции [True Stories, 1995, p. 200].

Условия найма, труда и жизни *вианбу* закономерно становились хуже с течением войны. Возможности покинуть службу у «комфортанток» фактически не было. Если бы командование и «отпустило» работницу, девушке некуда было бы идти: как правило, станции располагались вдали от их родины. В итоге выжило меньшинство: после капитуляции Японии эвакуацией «женщин для утешения» никто не занимался, многие не смогли вернуться домой и пропали без вести, а часть были убиты отступавшими войсками.

Одной из целей создания станций было стремление снизить неприязнь к японцам непосредственно в местах дислокации войск через сокращение взаимодействия между военными и населением. По иронии истории, многие годы спустя именно проблема *вианбу* стала одной из ключевых факторов формирования и самоподдержания антияпонских настроений в регионе.

Считается, что вопрос «комфортанток» оформился как общественно-политическая проблема только в начале 1990-х годов. В качестве знакового момента обычно указывают выход в свет воспоминаний одной из *вианбу*, Ким Хаксун, в 1991 г. Вслед за ней о своём опыте рассказали и другие женщины. Возникает очевидный вопрос: почему они молчали так долго? Обычно для объяснения указывают на гнёт традиционной морали и патриархальное устройство корейского общества [Lee C.Y., 2015, p. 347–348]. В конце концов, обвинения в адрес жертвы нередки при обсуждении случаев сексуального насилия и сегодня (причём не только в Корее).

Представление о проблеме *вианбу* как о сравнительно новом явлении распространено не только в обывательской среде, но и в литературе, однако оно всё же не совсем верно. Действительно, до начала 1990-х годов, вопрос не обсуждался политиками, однако это не означает, что никаких сведений о «женщинах для комфорта» до этого времени не встречается.

Определённую дурную славу приобрели мемуары Ёсиды Сэйдзи, изданные в 1977 и 1983 г., где он рассказал о системе «станций утешения» и своём участии в их организации. Хотя в 1990-е годы, эти публикации стали основой для дискуссии и привлекли внимание корейской и японской общественности, вскоре в воспоминаниях были обнаружены многочисленные фактические ошибки и несоответствия [Nozaki, 2005]. В ответ автор заявил, что его книги носят скорее художественный характер. Из-за возникшей путаницы японское правое крыло считает историю *вианбу* мифом, который создал Ёсида, а его признание – доказательством несостоятельности претензий к Токио [Reexamining, 2015].

Тем не менее, корейскому обществу всё же было известно о проблеме и до 1990-х годов, она даже довольно регулярно упоминалась в газетах. Так, исследователь Ёсиката Веки обнаружил в южнокорейской центральной прессе с 1945 по 1960-е годы 23 упоминания

о «женщинах для комфорта» (преимущественно в 1960-е), а в 1970-1980-е годы их количество выросло примерно до 300 [Yoshikata, 2015].

У того, что тема *вианбу* зазвучала именно в начале 1990-х, были конкретно-исторические причины. В конце 1980-х – начале 1990-х годов южнокорейское общество только начинало демократизироваться. Нарождавшееся движение правозащитников-феминистов смогло воспользоваться этим сюжетом, чтобы заявить о себе, когда критика внутренних проблем оставалась делом непростым [Асмолов, 2017]. Попав в поле зрения государства, вопрос быстро перестал быть чисто гуманитарным или историческим. К слову, японские сторонники феминизма в целом с сочувствием отнеслись к жалобам и требованиям кореянок, проявив в этом случае идеологическую, а не национальную солидарность [Wöhr, 2005, p. 68–71].

Итак, в начале 1990-х проблема *вианбу* стала достоянием широкой общественности и стремительно превращалась в международно-политическую. В 1991 г., вскоре после публикации воспоминаний Ким Хаксун, три кореянки из числа бывших «комфортанток» подали в японский суд иск на правительство страны. Токио был вынужден отреагировать. Правительство организовало расследование, и по его итогам в 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй выступил с официальным заявлением. В нём Япония признала существование проблемы, а также то, что набор девушек и их служба, «как правило», происходили не добровольно. Также Токио принёс бывшим *вианбу* извинения и пообещал не отворачиваться от исторических фактов. В заявлении Коно указывалось, что набором *вианбу* в основном занимались частные лица, но «в некоторых случаях» в процесс также было вовлечено гражданское и военное руководство [Statement by Kono].

В 1995 г. для предоставления компенсаций жертвам был создан Фонд женщин Азии. Средства частично предоставлялись японским правительством, и бывшие *вианбу* могли получить через него около 5 млн иен каждая. Однако и известная уклончивость заявления Коно, и формат компенсаций не устроили южнокорейскую сторону. У общественности и власти сложилось впечатление, что официальный Токио хочет дистанцироваться от проблемы и снять с себя ответственность, создав негосударственный фонд [Kim M., 2014, p. 89].

Принципиальным и постоянным элементом позиции Токио является утверждение, что все спорные исторические вопросы были закрыты в ходе нормализации японо-южнокорейских отношений с подписанием в 1965 г. соглашения по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества [Лобов, 2015, с. 118–119]. В нём указывается, что все «вопросы, касающиеся собственности, прав и интересов двух высоких договаривающихся сторон и их народов... решены полностью и окончательно» [Соглашение, 1965].

Республика Корея, стремясь привлечь широкое международное внимание к проблеме *вианбу*, старалась вывести его за рамки двусторонних отношений, и это нередко удавалось. Так, в 1996 г. Комитет ООН по правам человека подготовил доклад, в котором осудил систему японских полевых борделей и, несмотря на протесты Токио, квалифицировал её как сексуальное рабство [Report on the mission, 1996]. Сеул длительное время лоббировал проведение через американский Конгресс резолюции о «комфортантках» с призывом к Японии признать ответственность за ситуацию [Kim M., 2014, p. 90]. Политический смысл такого подхода очевиден: США являются союзником обеих стран, нередко влияют на внешнюю политику и Сеула, и Токио, поэтому южнокорейские и японские элиты порой видят в Вашингтоне авторитетного арбитра. Когда американский парламент в итоге принял

соответствующий документ [H.Res.121, 2007], это закономерно стало знаковым моментом для Республики Корея.

«Внутренним» фактором поддержания актуальности вопроса стало постановление Конституционного суда Республики Корея от 2011 г. В нём указывалось, что власти страны недостаточно деятельно защищают государственные интересы по проблеме *вианбу* и такая пассивность противоречит Конституции [Подтверждение неконституционности, 2011]. Документ не был международным, но содержал и ответ на возражения Японии: южнокорейский суд объявлял ссылки на соглашение 1965 г. неуместными. По его мнению, поскольку на момент его подписания проблема «женщин для утешения» была малоизвестной, нельзя, опираясь на него, лишать жертв права получить компенсацию.

Усиление международного давления и эмоционального накала, однако, произвело эффект, обратный ожидаемому: среди японских элит нарастало раздражение по поводу не прекращавшихся требований корейцев. К власти в 2006–2007 гг., а также в 2012 г. пришёл Абэ Синдзо. Он придерживается националистических взглядов и не считает, что Япония должна продолжать публичное покаяние по поводу событий более чем полувековой давности [Hein, 2016, p. 447–448]. Южнокорейскую общественность весьма настораживают его взгляды, высказывания и действия, и само его нахождение у власти, похоже, становится причиной подозрений в неискренности Японии по вопросу *вианбу*.

Японские политики правого толка вообще не склонны рассматривать ситуацию «женщин для утешения» как уникальную или достойную внимания. Обычно она подаётся как часть реальности любой войны или военный вариант проституции под государственным контролем (такая система появилась в Японии в XIX в.) [Неспокойное соседство, 2015, с. 176]. С другой стороны, нередко говорится и о нецентрализованной природе явления: существование станций признаётся, но их создание не рассматривается как государственная политика, что принципиально для корейцев. В качестве организаторов и выгодоприобретателей обычно называется частный бизнес, при этом утверждается, что и сами девушки получали значительное вознаграждение, а значит, речь идёт не о рабстве, а о добровольной проституции.

Решение конституционного суда Республики Корея 2011 г., казалось, вдохнуло новую жизнь в уже затихавшее обсуждение проблемы. Большой резонанс вызвала инициатива южнокорейских общественных активистов по установке памятников *вианбу*. Первый из них появился в Сеуле перед японским посольством, причём расположен он таким образом, чтобы идущие на работу дипломаты обязательно проходили мимо. Монумент представляет из себя девушку, сидящую на стуле в напряжённой, молчаливо обвиняющей позе, будто ожидающую извинений. Пустующий стул рядом – символ погибших «комфортанток». Памятник тут же стал объектом повышенного внимания: зимой статую одевают в тёплую одежду, а периодические демонстрации неуважения к ней массово осуждаются.

В 2013 г. президентом Южной Кореи была избрана Пак Кынхе. Несмотря на постоянный и активный характер японо-южнокорейского сотрудничества, новый лидер не стремилась устанавливать диалог с Токио, среди причин указывая беспокойство по поводу правых воззрений Абэ Синдзо и неоднозначную позицию его аппарата по *вианбу*.

В ситуацию в очередной раз вынуждены были вмешаться США. Консолидация проамериканских держав региона была бы выгодна Вашингтону, однако именно проблема

«комфортанток» не раз срывала военно-политические договорённости между его ближайшими союзниками в Северо-Восточной Азии.

К 2014 г. американской дипломатии удалось убедить Пак Кынхе и Абэ Синдзо встретиться. Тем не менее, Япония продолжала маневрировать по вопросу *вианбу*: периодически делались заявления о необходимости пересмотреть заявление Коно 1993 г. или же доклад комитета ООН 1996 г. Южнокорейскую общественность крайне раздражали заявления японского лидера, в которых он то говорил о недоказанности существования системы принуждения *вианбу*, то упоминал «комфортанток» в контексте военных бедствий всей мировой истории [Hein, 2016, p. 454–455], что корейцы воспринимают как попытку оправдания преступления.

Вопрос «комфортанток» оставался центральным для двусторонних консультаций, и к концу 2015 г. сторонам удалось достичь взаимоприемлемого решения. Токио принёс дополнительные извинения, а Сеул обязался убрать от японского дипломатического представительства вызвавший разногласия памятник. Параллельно Республика Корея создавала фонд для выплаты компенсаций бывшим *вианбу*, а японское правительство жертвовало ему 1 млрд иен (около 10 млн долл. США). Япония неоднократно подчёркивала, что с достижением этой договорённости принципиально считает вопрос окончательно исчерпанным [Announcement, 2015].

Компромиссный характер документа парадоксальным образом обеспечил его провал. Договорённость не была принята оппозицией в обеих странах: лидеров обвинили в предательстве национальных интересов. Неудивительно, что и реализация соглашения в итоге забуксовала.

Летом 2016 г. копии сеульского памятника стараниями активистов корейской диаспоры почти одновременно появились в нескольких городах мира (например, в Сиднее и в одном из пригородов Лос-Анджелеса). В первые дни 2017 г. Токио отозвал своего посла в Сеуле после того, как очередной монумент появился перед японским консульством в Пусане. В сентябре 2017 г. в Сан-Франциско был установлен другой, более «интернациональный» памятник: корейка, китайка и филиппинка стоят на пьедестале, взявшись за руки, перед ним в размышлении стоит автор первых мемуаров о *вианбу* – Ким Хаксун. Вскоре в знак протеста мэр Осаки объявил о разрыве побратимских связей с американским городом [Osaka Severs, 2018].

В Республике Корея логика межпартийной борьбы вообще не предполагает компромиссов: оппозиция отвергает многие шаги правящей партии по принципиальным соображениям. Так, противостоявшие правительству Пак Кынхе левоцентристы, получившие в 2016 г. коалиционное большинство в парламенте, резко критиковали подписанный документ [Lee B., 2016]. Впоследствии, когда Пак Кынхе была отстранена от власти досрочно в результате крупного политического скандала и в итоге оказалась в тюрьме, сопутствовавший этим событиям репутационный ущерб сказался и на популярности инициатив, связанных с её именем. На президентских выборах 2017 г. все пять кандидатов заявили о намерении пересмотреть соглашение 2015 г.

Занявший в итоге пост главы государства оппозиционер Мун Чжэин, не мог поддерживать соглашение по *вианбу* в силу целого комплекса причин: непопулярности «сделки» в обществе, партийной солидарности и испортившегося имиджа Пак Кынхе, корейского инициатора договорённости. На открытый разрыв соглашения он не пошёл,

стремясь избежать обострения отношений с Японией, но корейская сторона отнюдь не спешила воплощать его в жизнь. Так, работа созданного по соглашению 2015 г. фонда не пошла по задуманному плану. Южнокорейское правительство возместило ему выплаченные компенсации, с тем чтобы не использовать японские средства, а отправить их обратно. Параллельно общественные активисты открыли свою «конкурирующую» организацию со схожими целями. В итоге Мун Чжэин заявил о «неизбежном увядании» совместного фонда [Choe, 2018], и в июле 2019 г. он был закрыт под протесты японской стороны [Japan-funded, 2019].

Статуи «сеульского формата» в период президентства Мун Чжэина появляться перестали, хотя в 2018 г. некоторые страны (Филиппины, Тайвань) приняли эстафету и установили свои монументы в честь соотечественниц (филиппинский вскоре был демонтирован). Памятник *вианбу* в корейской столице, однако, не исчез.

При этом новое правительство Республики Корея активно использовало чувствительные исторические проблемы и смежные спорные вопросы во внешней политике. Так, в ходе визита американского президента Д. Трампа в Сеул в 2017 г. на торжественном ужине ему была представлена одна из бывших «женщин для комфорта», а в меню были включены креветки из акватории вокруг спорного острова Токто (Такэсима). Южнокорейская пресса, казалось, несколько торжествуя, демонстрировала фотографии объятий Д. Трампа с пожилой женщиной, а также сообщала о последовавших протестах японского МИДа [Ильчонбу, 2017]. Апелляция к Вашингтону имела двоякий подтекст. С одной стороны, США – «старший» союзник и Южной Кореи, и Японии, чье мнение приходится учитывать обеим странам. С другой стороны, именно Америка была бы главным выгодоприобретателем так и не состоявшегося примирения.

Также в годы президентства Мун Чжэина южнокорейское руководство и общественность наращивали давление на Японию по другому вопросу, связанному с общей историей. Осенью 2018 г., а также летом 2019 г. верховный суд Республики Корея удовлетворил ряд исков против японских компаний по поводу использования ими принудительного или малооплачиваемого труда корейцев в годы колониальной зависимости (1910–1945). Примечательно, что эта проблема стала инструментом не только внешней, но и внутренней политики Южной Кореи. Предыдущая администрация Пак Кынхе была обвинена не только в бездействии по этому вопросу, но и в коррупционном затягивании судебного процесса [Arrington, 2019]. Дело рабочих быстро приняло «практический» оборот: за поддержанным Токио отказом японских фирм удовлетворить компенсационные требования вскоре последовал арест их активов в Республике Корея.

Раздражение Японии по поводу того, что провал «окончательного» соглашения 2015 г. усугубился появлением новой острой проблемы, вылилось в шаги, похоже, подсказанные логикой параллельно идущей американско-китайской торговой войны. Ссылаясь на возможность утечек подсанкционных материалов в КНДР, Токио ограничил экспорт в Южную Корею ряда химикатов, необходимых для изготовления полупроводников, что сильно ударит по технологичным производствам и экономике в целом [Ким, 2019].

Нельзя не заметить, что на протяжении истории проблемы *вианбу* заметен устойчивый рост её присутствия в общественном дискурсе в целом и в японо-южнокорейских отношениях в частности. Первые газетные публикации 1940-х – 1980-х годов не привлекали достаточного внимания, хотя их число с годами росло. В 1990–2000-х годах компенсации

«женщинам для утешения» и защита их прав оказались скорее заботой общественных организаций и активистов – заявление Коно было сделано в первую очередь под их давлением.

В 2010-х годах в общественные организации перешли на «акционистскую» работу – так, именно они являлись инициаторами и исполнителями установки памятников *вианбу*. Нельзя не заметить, что их действия «синхронизованы» с позицией государства, а спады активности совпадают с маневрированием правительства (сходная динамика, кстати, заметна в работе групп, отправляющих с Юга в КНДР на воздушных шарах агитационные материалы). Возможно, южнокорейские власти делегируют «общественникам» исполнение спорных шагов, от которых при необходимости возможно будет дистанцироваться.

Вообще, в последнее время проблема *вианбу*, равно как и другие вопросы исторической памяти, превратилась из второстепенного конфликтного сюжета южнокорейско-японских отношений в мощный фактор, определяющий всю повестку двустороннего взаимодействия. С военно-политической точки зрения Япония и Республика Корея являются элементами ригидной американской системы безопасности. Элиты обеих стран фактически единогласно считают такой выбор правильным и стратегическим, однако Сеул и Токио также являются конкурентами в борьбе за региональное влияние и рынки. В этом смысле исторические вопросы, с одной стороны, становятся «клапаном» регулирования конфликтного напряжения, с другой стороны – действительным инструментом репутационной и даже санкционной борьбы в допустимых рамках, очерченных союзнической аффилиацией.

Хотя проблема *вианбу* до сих пор оказывала столь мощное влияние именно на южнокорейско-японские отношения, сама её история говорит о том, что подход к решению должен быть более широким, а в рамках двусторонней дорожки её не удастся снять полностью. Так, очевидно, что найденное Сеулом и Токио потенциальное решение наверняка не удовлетворит Пхеньян, который также весьма активно выступает по проблеме. Кроме того, помимо Кореи, «комфортанток» набирали также в Китае и странах Юго-Восточной Азии.

Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Хотя в некоторых случаях (например, корейско-японском) они более заметны, исторические претензии от моральных до территориальных есть у всех стран региона ко всем соседям. Активно политизируются, как правило, более обоснованные обиды, однако логика некоторых из них порой не связана фактами, а общий «запас» обычно велик и может быть актуализирован в пору обострения отношений.

Кроме того, исторические вопросы нередко становятся и средством внутренней политики. Как показывают южнокорейский и японский примеры, «нерадивость» власти в защите исторической чести страны нередко эксплуатируется оппозицией. С другой стороны, сама власть путём обращения к болезненным проблемам прошлого порой «перенаправляет» обращённое изначально против неё недовольство масс [Дьячков, 2013, с. 105–106].

Устойчивость, неисчерпаемость исторических вопросов отчасти обусловлены их политической «функциональностью»: будучи поставлены однажды, они редко закрываются окончательно и регулярно используются для решения текущих задач. В этом смысле нельзя не отметить непримиримость Сеула, раз за разом находящего изъясны в позиции Токио: размытость формулировок, неоднозначность признаний, неполноту извинений. С другой

стороны, и в Республике Корея, и в Японии элиты с определённого момента становятся заложниками ими же перегретой ситуации: давление избирателей и эскалационная логика лишают политиков прямого контроля над конфликтом.

Это вкуче с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

Переходя к чисто научным аспектам, можно сказать, что проблема *вианбу* мало разработана в отечественной литературе и потенциально интересна для неполитического исследования, однако на пути историка неизбежно возникнет ряд трудностей.

Во-первых, круг доступных источников ограничен почти исключительно воспоминаниями самих *вианбу*. Какие-либо официальные документы как центрального японского правительства, так и местных военных и гражданских властей, недоступны. Во многих случаях они попросту не сохранились (колониальные архивы целенаправленно уничтожались после капитуляции), а те, что дошли до наших дней, могут оставаться секретными по очевидным политическим причинам. В воспоминаниях женщин описывается более-менее один и тот же вариант организации станций, что позволяет сделать предположение о централизованном характере явления. Однако прояснить этот достаточно принципиальный момент при помощи документов, увы, невозможно.

Сами свидетельства «комфортанток» оставляют желать лучшего как исторический источник. Непосредственных жертв тех событий осталось крайне мало, и все они старше как минимум 85 лет. По их воспоминаниям трудно составить сколько-нибудь целостную картину явления. Нет станций, описанных в двух разных источниках, не редкость фактические несостыковки или более поздние «добавления». Нельзя исключить, что общественная дискуссия и разгоревшийся международный скандал так или иначе повлияли на содержание свидетельств.

Той же участи не избежала и литература. Немалое количество публикаций по *вианбу* (в том числе англоязычных) не являются чисто научными по своим целям, а создаются для подкрепления политической позиции той или иной стороны. Гипотетическое нейтральное исследование скорее всего не удовлетворит обоих оппонентов и будет ими истолковано как пропагандистская диверсия или попытка оскорбить достоинство нации. Здесь следует отметить, что заметно более сбалансированного подхода придерживаются те исследователи, которые изначально берутся за вопрос не с национальных, а с более общих идеологических позиций – например, гендерных.

Чувствительность и сложность проблемы увеличиваются из-за наличия смежных или параллельных сюжетов. Так, уже после освобождения от Японии, в годы Корейской войны (1950–1953) в южнокорейской армии были «особые отряды утешения» (возможно, сохранившиеся как остаток японской системы) [Soh, 2008, p. 215–216, 224]. Как уже упоминалось, позднее вокруг американских военных баз существовала местная «индустрия» сексуального обслуживания [Moon, 1997], причём соответствующие заведения и их работницы по-корейски назывались так же – *виансо* и *вианбу*. Подобное явление было характерно и для Японии времён американской оккупации [Wöhr, 2005, p. 68]. Далее, во Вьетнаме и Корее сейчас проживает более тысячи людей смешанного корейско-вьетнамского происхождения (расхожее, но политически некорректное обозначение – *лай дай хан*) [Moon, 2015, p. 18]. Значительная часть из них появилась на свет в годы Вьетнамской войны (1964–

1973) в результате изнасилований вьетнамок южнокорейскими военнослужащими, а также проституции, которая, возможно, носила организованный характер [Gil, 2015]. Возражения корейской стороны (отрицание централизованного характера явления, его «естественность» для военных времён и пр.) напоминают японскую позицию по *вианбу*.

Несмотря на все перечисленные сложности, только комплексное историческое исследование подобных проблем способно установить, а не сконструировать истину, стать действительным памятником жертвам и свидетельством о преступлениях. Корея и Япония – не единственные две страны, разделённые общей историей. С такими же трудностями приходилось сталкиваться, например, России и Польше – для их преодоления была создана Группа по сложным вопросам истории, которая после нескольких лет работы подготовила фундаментальное исследование «Белые пятна – чёрные пятна» [Белые пятна, 2010]. Общение и работа учёных лучше любых политических договорённостей могут помочь совместно найти истину и примирить народы друг с другом, а также со своим и общим прошлым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асмолов К. Корейские «женщины для утешения» и скандал с Пак Ю Ха. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshhiny-dlya-utesheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (дата обращения: 25.07.2019).

Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

Дьячков И.В. Спор по поводу о. Токто (Такэсима): международно-политическое измерение национализма в США / И.В. Дьячков // XVII Научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корея: уроки истории и вызовы современности». М.: ИДВ РАН, 2013. С. 102–112.

Ильчонбу токтосэу вианбу хальмони итхыль ёнсок хани 日정부, '독도새우·위안부할머니' 이틀 연속 항의 : [Японское правительство два дня подряд протестует против «креветок с Токто» и «бабушки-вианбу»] // Чосон ильбо 조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (дата обращения: 25.07.2019).

Ким Сехён. Мун Чжэин – Абэ ссаум Тромпхы нугусон тырочжувлькка? 김세형. 문재인-아베 싸움, 트럼프 누구손 들어줄까? : [Кого поддержит Трамп в схватке Мун Чжэина и Абэ?] // Мэиль кёнчже 매일경제. URL: <https://www.mk.co.kr/premium/special-report/view/2019/07/26054/> (дата обращения: 25.07.2019).

Лобов Р. Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией / Р. Лобов // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 113–120.

Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России / под ред. Г.Д. Толорая. Москва : МГИМО-Университет, 2015. 344 с.

Тэханмингукква ильбонгане чэсан мит чхонгукквоне кванхан мунчжее хэгёльва кёнчжехёмнёге кванхан хёпчон 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 : [Соглашение между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического

сотрудничества]. URL: <http://www.law.go.kr/trtyInfoP.do?mode=4&trtySeq=3678&chrClsCd=010202&vSct> (дата обращения: 25.07.2019).

Тэханмингуква ильбонгане чэсан мит чхонгукквоне кванхан мунчжее хэгёльгва кёнчжехёмнёге кванхан хёпчон чесамчжо пучжагви вихонхвагин 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 제 3 조 부작위 위헌확인 : [Подтверждение неконституционности бездействия по вопросу третьей статьи Соглашения между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества] // Конституционный суд Республики Корея. Официальный сайт. URL: <http://www.ccourt.go.kr/cckhome/kor/info/precedent/selectRealmPrecedentInfo.do?searchClassSeq=366> (дата обращения: 25.07.2019).

Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (дата обращения: 25.07.2019).

Arrington C. Japan claims it's restricting exports to South Korea because of 'national security.' Here's the real reason why // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/07/18/japan-claims-its-restricting-exports-south-korea-because-national-security-heres-real-reason-why/> (дата обращения: 25.07.2019).

Choe Sang-Hun. South Korea Signals End to 'Final' Deal With Japan Over Wartime Sex Slaves // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Gil Yun-hyung. Did S. Korea operate "comfort stations" in the Vietnam War? // Hankyoreh. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/688436.html (дата обращения: 25.07.2019).

H.Res.121 – A resolution expressing the sense of the House of Representatives that the Government of Japan should formally acknowledge, apologize, and accept historical responsibility in a clear and unequivocal manner for its Imperial Armed Forces' coercion of young women into sexual slavery, known to the world as "comfort women", during its colonial and wartime occupation of Asia and the Pacific Islands from the 1930s through the duration of World War II. URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/121/text> (дата обращения: 25.07.2019).

Hein, P. Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation / Patrick Hein // The Korean Journal of International Studies. 2016. Vol. 14. No. 3. P. 447–460.

Japan-funded 'comfort women' foundation in S. Korea formally closed. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190705/p2g/00m/0fp/053000c> (дата обращения: 25.07.2019).

Kim M. Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations / Kim Mikyung // Asian Politics and Policy. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 83–96.

Lee B. South Korea-Japan Comfort Women Agreement: Where Do We Go From Here? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/south-korea-japan-comfort-women-agreement-where-do-we-go-from-here/> (дата обращения: 25.07.2019).

Lee C.Y. The Deafening Silence of the Korean "Comfort Women": A Response Based on Lyotard and Ingaray / C.Y. Lee, J. Crowe // Asian Journal of Law and Society. 2015. Vol. 2. Issue 2. P. 339–356.

Moon K.H.S. Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations. New York: Columbia University Press, 1997. 336 p.

Moon K.H.S. South Korea's Demographic Changes and their Political Impact. Washington: Brookings, 2015. 25 p.

Nozaki Y. The "Comfort Women" Controversy: History and Testimony / Nozaki Yoshiko // The Asia-Pacific Journal. 2005. Vol. 3. Issue 7. URL: <https://apjif.org/-Yoshiko-Nozaki/2063/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

Osaka Severs Ties With San Francisco Over 'Comfort Women' Memorial // Time. URL: <https://time.com/5416425/japan-osaka-san-francisco-comfort-women-statue/> (дата обращения: 25.07.2019).

Piper N. Transnational Women's Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery / N. Piper // Global Networks. 2001. 1 (2). P. 155–170.

Reexamining the "Comfort Women" Issue. An Interview with Yoshimi Yoshiaki // The Asia-Pacific Journal. 2015. Vol. 13. Issue 1. No. 1. URL: <https://apjif.org/-Yoshimi-Yoshiaki/4247/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

Soh C.S. The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan. Chicago : University of Chicago Press, 2008. 384 p.

Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women". URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения: 25.07.2019).

True Stories of the Korean Comfort Women / Korean Council for Women Drafted for Military Sexual Slavery by Japan ; ed. by K. Howard. London : Cassell, 1995. 200 p.

United Nations Commission on Human Rights. Report on the mission to the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan on the issue of military sexual slavery in wartime. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (дата обращения: 25.07.2019).

Varga A. National Bodies: The 'Comfort Women' Discourse and its Controversies in South Korea / A. Varga // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 287–303.

Wöhr U. A Touchstone for Transnational Feminism: Discourses on the Comfort Women in 1990s Japan / Ulrike Wöhr // Japanstudien. 2005. 16:1. P. 59-90.

Yoshikata V. 'Comfort Women' Denial and the Japanese Right / Yoshikata Veki // The Asia-Pacific Journal. 2015. Vol. 13. Issue 30. No. 2. URL: <https://apjif.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

REFERENCES

Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. (2015). URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (accessed: 25 July 2019).

Arrington, C. (2019). Japan claims it's restricting exports to South Korea because of 'national security.' Here's the real reason why, *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/07/18/japan-claims-its-restricting-exports-south-korea-because-national-security-heres-real-reason-why/> (accessed: 25 July 2019).

Asmolov, K. (2017). Koreyskiye “zhenshchiny dlya utesheniya” i skandal s Pak Yu Kha [Korean “comfort women” and the Park Yu-ha scandal]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshhiny-dlya-utesheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (accessed: 25 July 2019). (In Russian).

Choe, Sang-Hun (2018). South Korea Signals End to ‘Final’ Deal With Japan Over Wartime Sex Slaves, *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html> (accessed: 25 July 2019).

Chosun Ilbo. (2017). Iljeongbu, 'dokdosaeu-wianbuhalmioni' iteul yeonsok hangui 日정부, '독도새우·위안부할머니' 이틀 연속 항의 [Japanese government protesting for 2 days against Dokdo shrimp and the wianbu granny]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Daehanmingukgwa ilbongukganui jaesan mit cheonggugwone gwanhan munjeui haegyolgwa gyeongjehyeomnyeoge gwanhan hyeopjeong 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 [Agreement between the Republic of Korea and Japan on resolving problems pertaining to property, claims and economic cooperation] (1965). URL: <http://www.law.go.kr/trtyInfoP.do?mode=4&trtySeq=3678&chrClsCd=010202&vSct> (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Daehanmingukgwa ilbongukganui jaesan mit cheonggugwone gwanhan munjeui haegyolgwa gyeongjehyeomnyeoge gwanhan hyeopjeong jesamjo bujagwi wiheonhwagin 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 제 3 조 부작위 위헌확인 [Confirmation of unconstitutionality of inaction upon article 3 of the Agreement between the Republic of Korea and Japan on resolving problems pertaining to property, claims and economic cooperation]. (2011). URL: <http://www.ccourt.go.kr/cckhome/kor/info/precedent/selectRealmPrecedentInfo.do?searchClassSeq=366> (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Dyachkov, I. (2013). Spor po povodu o. Tokto (Takesima): mezhdunarodno-politicheskoye izmereniye natsionalizma v SVA [Dispute over Dokdo (Takeshima): international political dimension of nationalism in North East Asia], in *XVII Nauchnaya konferentsiya koreyevodov Rossii i stran SNG «Koreya: uroki istorii i vyzovy sovremennosti»* [17th scholarly conference of Russian and CIS Koreanologists “Korea: lessons from history and modern challenges”, Moscow: IDV RAN: 102–112. (In Russian).

Gil, Yun-hyung (2015). Did S. Korea operate “comfort stations” in the Vietnam War?, *Hankyoreh*. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/688436.html (accessed: 25 July 2019).

Hein, P. (2016). Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation, *The Korean Journal of International Studies*, 14 (3): 447–460.

Howard, K. (ed.) (1995). True Stories of the Korean Comfort Women, London: Cassell.

H.Res.121 – A resolution expressing the sense of the House of Representatives that the Government of Japan should formally acknowledge, apologize, and accept historical responsibility in a clear and unequivocal manner for its Imperial Armed Forces' coercion of young women into sexual slavery, known to the world as "comfort women", during its colonial and wartime occupation of Asia and the Pacific Islands from the 1930s through the duration of World War II. (2007). URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/121/text> (accessed: 25 July 2019).

Kim, M. (2014). Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations, *Asian Politics and Policy*, 6 (1): 83–96.

Kim, Sehyeong (2019). Munjaein-abe ssaum, teureompeu nuguson deureojulkka? 문재인-아베 싸움, 트럼프 누구손 들어줄까? [Who will Trump support in Moon-Abe conflict?], *Maeil Business*. URL: <https://www.mk.co.kr/premium/special-report/view/2019/07/26054/> (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Lee, B. (2016). South Korea-Japan Comfort Women Agreement: Where Do We Go From Here? *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/south-korea-japan-comfort-women-agreement-where-do-we-go-from-here/> (accessed: 25 July 2019).

Lee, C.Y. (2015). The Deafening Silence of the Korean “Comfort Women”: A Response Based on Lyotard and Ingaray, *Asian Journal of Law and Society*, 2 (2): 339–356.

Lobov, R. (2015). Podgotovka i podpisaniye Dogovora ob osnovakh otnosheniy mezhdou Respublikoy Koreya i Yaponiyey [Drafting and signing the treaty on framework of relations between the Republic of Korea and Japan], in *Koreya: 70 let posle osvobozhdeniya* [Korea: 70 years since liberation], Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Mainichi Shimbun. (2019). Japan-funded 'comfort women' foundation in S. Korea formally closed. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190705/p2g/00m/0fp/053000c> (accessed: 25 July 2019).

Moon, K.H.S. (1997). *Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations*, New York: Columbia University Press.

Moon, K.H.S. (2015). *South Korea’s Demographic Changes and their Political Impact*, Washington: Brookings.

Nozaki, Y. (2005). The “Comfort Women” Controversy: History and Testimony, *The Asia-Pacific Journal*, 3 (7). URL: <https://apjif.org/-Yoshiko-Nozaki/2063/article.pdf> (accessed: 25 July 2019).

Piper, N. (2001). Transnational Women’s Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery, *Global Networks*, 1 (2): 155–170.

Soh, C.S. (2008). *The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan*, Chicago: University of Chicago Press.

Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of “comfort women”. (1993). URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (accessed: 25 July 2019).

The Asia-Pacific Journal. (2015). Reexamining the “Comfort Women” Issue. An Interview with Yoshimi Yoshiaki, 13 (1, 1). URL: <https://apjif.org/-Yoshimi-Yoshiaki/4247/article.pdf> (accessed: 25 July 2019).

Time. (2018). Osaka Severs Ties With San Francisco Over 'Comfort Women' Memorial. URL: <https://time.com/5416425/japan-osaka-san-francisco-comfort-women-statue/> (accessed: 25 July 2019).

Toloraya, G. (ed.). (2015). *Nespokoynoye sosiedstvo: problemy Koreyskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii* [Uneasy neighbors: Korean Peninsula problems and challenges for Russia], Moscow: MGIMO University. (In Russian).

Torkunov, A. and Rotfeld, M. (ed.). (2010). Belyye pyatna – chernyye pyatna: Slozhnyye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh [White spots – black spots: complicated issues in Russo-Polish relations], Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).

United Nations Commission on Human Rights. (1996). Report on the mission to the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan on the issue of military sexual slavery in wartime. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (accessed: 25 July 2019).

Varga, A. (2009). National Bodies: The ‘Comfort Women’ Discourse and its Controversies in South Korea, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 2 (2): 287–303.

Wöhr, U. (2006). A Touchstone for Transnational Feminism: Discourses on the Comfort Women in 1990s Japan, *Japanstudien*, 16 (1): 59–90.

Yoshikata, V. (2015). ‘Comfort Women’ Denial and the Japanese Right, *The Asia-Pacific Journal*, 13 (30, 2). URL: <https://apjif.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (accessed: 25 July 2019).

Поступила в редакцию 03.08.2019

Received 3 August 2019

Для цитирования: Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

For citation: Dyachkov I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema “zhenshchin dlya utesheniya” v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 4: 72–87. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029